

А.Ю. СИДОРОВ

ЧЖАН СЮЭЛЯН. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ "МОЛОДОГО МАРШАЛА"

23 октября 2001 г. в Гонолулу, на Гавайских островах, на 101 году жизни скончался Чжан Сюэлян¹. Об этом человеке не было слышно более шести десятилетий, и весь мир (но не Китай) уже давно успел позабыть о том, чье имя гремело в 20–30-х годах XX в. Известный под прозвищем "Молодой маршал", Чжан Сюэлян прожил долгую и удивительную жизнь. Правитель Маньчжурии в 1928–1931 гг., один из ведущих деятелей гоминьдановского Китая 30-х годов, отчаянный авантюрист (или пламенный патриот?), рискнувший арестовать в 1936 г. в Сиани самого Чан Кайши и поплатившийся за это 55 (!) годами лишения свободы, Чжан Сюэлян, бесспорно, оставил свой неповторимый след в истории. Его политической биографии и посвящен этот очерк.

Несколько слов об историографии вопроса. В отечественной литературе некоторые аспекты политической деятельности Чжан Сюэляна нашли отражение в работах Н.Е. Абловой, Ю.М. Галеновича, В.В. Жукова, К.Ф. Захаровой, Г.С. Каретиной, Р.А. Мировицкой, В.Э. Молодякова, А.В. Панцова, Д.Б. Славинского, С.Л. Тихвинского. Вместе с тем исследований, специально посвященных его личности, в России пока не предпринималось, за исключением небольшой, но весьма содержательной статьи Г.С. Каретиной, увидевшей свет в 1995 г. во Владивостоке². В западной исторической науке биографическая литература, посвященная Чжан Сюэляну, тоже довольно скудна, хотя без упоминания о нем не обходится ни одно серьезное исследование, посвященное гоминьдановскому Китаю и международным отношениям на Дальнем Востоке в межвоенный период. Из последних книг, содержащих малоизвестные и очень интересные подробности жизни "Молодого маршала", отметим фундаментальные труды Дж. Фенби, Юн Чжан и Дж. Холлидея, недавно переведенные на русский язык³.

Иначе дело обстоит в самом Китае. Здесь в последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к "Молодому маршалу". Его деятельности посвящены десятки книг и статей. Его именем назван Северо-Восточный университет в Шэньяне (Мукдэне). Создан и действует специальный фонд Чжан Сюэляна. Невзирая на его милитаристское

Сидоров Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО(У) МИД РФ.

¹ См. о нем: *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984; *ее же*. Военно-политические группировки Северного Китая. (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001; *Жуков В.В.* Китайский милитаризм. 10–20-е гг. XX в. М., 1988; *Захарова К.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М., 1990; *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1990; *Внешняя политика Китая в 1928–1937 гг., в 2-х ч.* М., 1992; *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости, 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996; *Славинский Д.Б.* СССР и Китай. История дипломатических отношений. 1917–1937 гг. М., 2003; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004; *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948): историческое исследование. М., 2005; *Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., 2007.

² *Каретина Г.С.* Неизвестный Чжан Сюэлян. – Вестник Дальневосточного отделения РАН, 1995, № 3.

³ *Фенби Дж.* Генералиссимус Чан Кайши и Китай, который он потерял. М., 2006; *Чжан Юн, Холлидей Дж.* Неизвестный Мао. М., 2007.

прошлое, руководители КНР не раз отзывались о нем как о выдающемся государственном деятеле. Так кто же он "Молодой маршал" Чжан Сюэлян?

ЮНЫЕ ГОДЫ: В ТЕНИ ОТЦА

Чжан Сюэлян родился 3 июня 1901 г. в провинции Фэнтянь. Он был старшим сыном Чжан Цзолиня – военного правителя Маньчжурии в 1917–1928 гг. Отец, до конца жизни толком не научившийся читать и писать, сделал все, чтобы дать сыну полноценное образование. По окончании гимназии он был определен в Северо-Восточную военную академию – одно из лучших учебных заведений страны, где преподавание велось по классическим конфуцианским канонам. В 1921 г. молодой курсант совершил ознакомительную поездку в Японию, где наблюдал за военными маневрами. Отец был доволен его успехами. В 1922 г., сразу же по окончании академии, Чжан Сюэлян был произведен в чин генерал-майора и назначен на должность командира 2-й образцовой бригады, а спустя два года уже командовал 3-й армией и, кроме того, возглавил Управление авиации и первую в Маньчжурии авиационную школу (а впоследствии сам стал неплохим летчиком)⁴.

Юность и начало политической карьеры Чжан Сюэляна пришлось на годы расцвета китайского милитаризма. В условиях крайней слабости центральной власти военные губернаторы провинций превратились в настоящих "удельных князей", располагавших многочисленными наемными армиями и безраздельно правивших в своих вотчинах. Они издавали законы, устанавливали налоги и даже пытались проводить самостоятельную внешнюю политику (а зарубежные займы составляли изрядную часть их бюджетов). Среди милитаристов Чжан Цзолинь был, пожалуй, наиболее могущественной и самостоятельной фигурой. Выходец из семьи бедного арендатора, он в молодости сменил не одну профессию: был свинопасом, ветеринаром, служащим на железной дороге – и, наконец, в возрасте 31 года стал хунхузом (участник вооруженных формирований в середине XIX в. – до середины XX в. – А.С.), вступив в одно из орудовавших в Маньчжурии вооруженных формирований. В годы русско-японской войны отец Чжан Сюэляна вместе со своим отрядом устраивал диверсии в тылу русских войск, а затем благодаря покровительству японцев (в частности, будущего премьер-министра Г. Танака) был зачислен в китайскую армию, где сделал стремительную карьеру. В 1916 г. он стал военным губернатором Фэнтяни, а в 1918 г. – генеральным инспектором всей Маньчжурии (Трех Восточных провинций – Мукдэн, Гири и Хэйлунцзян). В 1920 г., присвоив себе чин маршала, Чжан Цзолинь провозгласил автономию Маньчжурии и заявил о желании побороться за власть в масштабах всего Китая.

Амбиции "Старого маршала", как все его называли, были отнюдь не беспочвенными. Он располагал, пожалуй, лучшей из китайских провинциальных армий. В отличие от других формирований, больше похожих на банды разбойников, в ней поддерживались минимально необходимые дисциплина и порядок. Его солдаты были неплохо вооружены, им исправно платили жалованье, да и воевали они гораздо лучше других наемных войск. Кроме того, Чжан Цзолинь сохранял тесные связи с Японией и пользовался ее политической поддержкой, широко используя получаемые из Токио инвестиции, оружие и советников. Однако сложившееся в советской историографии представление о нем как о японской марионетке сегодня выглядит явным упрощением. Его отношения с японцами были браком по расчету, а не по любви: как отмечает Г.С. Каретина, они характеризовались "постоянным возникновением противоречий и борьбой за получение как можно большей самостоятельности"⁵.

Отец Чжан Сюэляна, несомненно, был ярким харизматическим лидером. Миниатюрного, едва не девичьего сложения, с мягкими, почти робкими повадками, он отличался

⁴ Его отец придавал особое значение авиации и денег на нее не жалел: к середине 1920-х годов в его распоряжении имелось до 300 самолетов, включая закупленные в Германии и Италии новейшие образцы.

⁵ Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая, с.115.

сильной волей, жестокостью, упорством и превосходным умением плести интригу. Один из видных деятелей белой эмиграции в Маньчжурии П. Балакшин, не раз встречавшийся со "Старым маршалом", вспоминал: "Кроме природного ума, хитрости, политической изворотливости, в нем было много личного обаяния – если это выражение можно применить к типичному китайскому правителю того времени. Свои политические ставки Чжан Цзолинь всегда делал с расчетом извлечь выгоду для себя и укрепить свою власть"⁶.

С 19 лет Чжан Сюэлян возглавил службу охраны отца. Чжан Цзолинь относился к обеспечению своей безопасности крайне серьезно. Элитные отряды его телохранителей насчитывали сотни бойцов, а резиденции были превращены в мини-крепости. Каждая его поездка планировалась как военная операция: "Старый маршал" садился в один из четырех бронированных, вооруженных пулеметами паккард-седанов, которые одновременно на большой скорости разъезжались в разных направлениях.

В 1920–1921 гг. Чжан Цзолинь впервые подчинил себе пекинское правительство, а в 1924–1925 гг., реорганизовав и укрепив армию, занял северную столицу во второй раз. В 1925 г. "Старый маршал" отказался признавать сформированное Гоминьданом Национальное правительство, а в 1926 г. начал боевые действия против Народно-революционной армии (НРА), возглавляемой Чан Кайши. В декабре 1926 г. он в третий раз взял под контроль пекинское правительство, а в июне 1927 г., приняв титул генералиссимуса всех сухопутных и морских сил страны, объединил вокруг себя милитаристов Северного Китая, воевавших против НРА⁷.

С 1923 г. Чжан Сюэлян принимал непосредственное участие во всех междоусобных войнах, которые вел его властолюбивый отец. В 1926–1927 гг. он активно и порой довольно успешно сражался против войск Гоминьдана. Весной 1927 г. его армия форсировала Хуанхэ и подошла к Уханю, где в то время располагалось Национальное правительство. Будучи вынужден спустя два месяца отступить за Хуанхэ, Чжан Сюэлян организовал новую линию обороны и остановил дальнейшее продвижение частей НРА. Чжан Цзолинь был вполне удовлетворен военными достижениями сына и в 1927 г. передал ему свой маршальский титул. "Молодой маршал", как его сразу же окрестили в Китае, действительно был юным – ему едва исполнилось 26 лет. Чтобы как-то исправить этот "недостаток", Чжан Сюэляну было "прибавлено" три года жизни – его официальная биография гласила, что он родился не в 1901 г., а в 1898 г. (эта дата до сих пор кощует по многим энциклопедиям и справочникам).

Гражданские войны в Китае в 1920–1940-х годах отличались невероятной жестокостью: массовым насилием над мирным населением, изощренными пытками, публичными казнями; при этом преступления совершали все воюющие стороны, независимо от исповедуемой ими идеологии. Для Чжан Сюэляна гражданская война 1925–1927 гг. стала тяжким испытанием. Будучи по натуре человеком добродушным, общительным и совсем не кровожадным, он не скрывал своего неприятия происходящего. "Именно тогда, – вспоминал он впоследствии, – я почувствовал отвращение к тому, что китайцы убивают друг друга, брат убивает брата"⁸.

Пытаясь уйти от кровавой реальности, Чжан Сюэлян пристрастился к наркотикам. Много позже, в 1992 г., он скажет в одном из телеинтервью: "К опиуму меня приучили ненависть к врагу и страх за судьбу армии. Полковой врач пытался помочь, делал какие-то уколы; в результате я забыл про опий, но привык к лекарству". "Лекарством" оказался морфий. Знавшие "Молодого маршала" люди утверждали: в те годы "все его тело покрывали розовые точки – следы инъекций"⁹. Неоднократные попытки избавиться от пагубной зависимости не давали результата.

⁶ Прохоров Д.П. "Литерное дело" маршала Чжан Цзолиня. – Независимая газета, 27.VI.2003.

⁷ В 1928 г., после гибели Чжан Цзолиня и победы Гоминьдана в гражданской войне, звание генералиссимуса было присвоено Чан Кайши.

⁸ Фенби Дж. Указ. соч., с. 241.

⁹ Там же.

К весне 1928 г. в гражданской войне в Китае произошел перелом. Северный поход армии Гоминьдана увенчался успехом, а ее передовые части подошли к Пекину. Чжан Сюэлян убеждал отца отказаться от притязаний на общенациональное лидерство и попытаться договориться с Чан Кайши при условии сохранения за их кланом всей полноты власти в Маньчжурии. Он также полагал, что отец должен дистанцироваться от Японии и пойти на сближение с США и Великобританией, в то время как старые соратники Чжан Цзолия, возглавляемые начальником штаба его армии Ян Юйтином, настаивали на сохранении прояпонской ориентации. Скрывать политические разногласия между отцом и сыном становилось все труднее. Глава разведки Коминтерна А.Е. Альбрехт докладывал в ИККИ в феврале 1928 г. по итогам своей поездки в Китай: "У Чжан Цзолия даже его сын не прочь дать пинка своему папаше, и заговоры следуют за заговорами"¹⁰.

Тем не менее, под влиянием сына Чжан Цзолинь в 1928 г. все же начал "наводить мосты" с американцами, при том, что его взаимоотношения с японскими правящими кругами становились все более напряженными. В апреле 1928 г. они "рекомендовали" ему оставить Пекин и "сосредоточиться на обороне Трех Восточных провинций", а его главные союзники – милитаристы Фэн Юйсян и Янь Сишань – переметнулись на сторону Гоминьдана. Генералиссимус понял, что партия проиграна, и согласился на почетное перемирие. Он сам обратился к Чан Кайши с предложением прекратить "семейную ссору", а 9 мая 1928 г. отдал войскам приказ завершить боевые действия против Гоминьдана "во имя спасения родины". 3 июня 1928 г. спецпоезд Чжан Цзолия торжественно отбыл с Пекинского вокзала. По требованию дипломатических миссий и с согласия Чан Кайши в городе осталось небольшое подразделение маньчжурских войск, призванное обеспечить порядок до вступления в него войск Гоминьдана.

В пять часов утра следующего дня, когда литерный уже приближался к столице Маньчжурии Мукдэну (Шэньяну), а главный пассажир безмятежно курил сигару у окна своего салон-вагона, прогремел мощный взрыв. Чжан Цзолинь получил смертельные ранения в грудь и спустя четыре часа скончался в японском военном госпитале, куда его срочно доставили с места покушения. Вместе с ним погибли еще 17 человек. Поскольку бомба была заложена на участке, охранявшемся японскими военными, на них сразу же пало подозрение.

В настоящее время считается общепризнанным, что убийство Чжан Цзолия было делом рук японцев – офицеров Квантунской армии, считавших, что покойный стал проявлять излишнюю строптивость и превратился в опасную для Токио фигуру¹¹. Его сын представлялся им гораздо более удобным и податливым партнером, а его молодость и тяга к наркотикам вселяли надежду на то, что им можно будет манипулировать. Впоследствии на Токийском процессе адмирал К. Окада и генерал Р. Танака 2 июля 1946 г. подтвердили, что причиной убийства стало недовольство крайне правых кругов Японии тем, что Чжан Цзолинь не сумел остановить продвижение войск Чан Кайши.

Чтобы замести следы, заговорщики подготовили инсценировку с тремя бродягами – китайцами, якобы пойманными накануне ночью на месте взрыва. Двое из них были предусмотрительно убиты, однако третьему удалось бежать. Вскоре он был задержан местной полицией и допрошен лично Чжан Сюэляном. После этого сомнений в винов-

¹⁰ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927–1931 гг., в 2-х ч., ч. 1. М., 1999, с. 330.

¹¹ В 2000 г. историки отечественных спецслужб Д.П. Прохоров и А.И. Колпакиди выступили с утверждением о том, что убийство было организовано советской разведкой под руководством ее резидента в Харбине Н.Э. Эйтингтона. Однако, поскольку в подтверждение этой версии они не привели каких-либо документальных свидетельств, сославшись лишь на слова покойного Д.А. Волкогонова, якобы видевшего следы этой операции в закрытых архивах, данная точка зрения представляется не более чем недоказанной гипотезой. См.: Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Очерки истории российской внешней разведки, в 2-х т., т. 1. М., 2000, с. 182–183. Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб., 2001, с. 398.

ности японских военных у "Молодого маршала" не осталось; этой точки зрения он придерживался до конца своих дней.

Следует отметить, что заговор против Чжан Цзолиня, скорее всего, был подготовлен Квантунской армией без ведома японских гражданских властей. Премьер-министр Танака узнал о нем уже после взрыва, но своевременно не доложил эту информацию императору, что впоследствии стало главной причиной его отставки. При этом сам Танака фактически одобрил действия заговорщиков: в июле 1928 г. он с удовлетворением заявил на заседании кабинета министров, что "Молодой маршал" – это декоративная фигура, а реальная власть в Маньчжурии принадлежит генералу Ян Юйтину, которым Япония сможет управлять¹².

О смерти Чжан Цзолиня не объявляли несколько дней – пока 17 июня 1928 г. "Молодой маршал" не вступил в должность губернатора родной ему Фэньтяни. Сразу же после похорон отца он был официально провозглашен правителем Трех Восточных провинций.

ВО ГЛАВЕ МАНЬЧЖУРИИ

В возрасте 27 лет Чжан Сюэлян получил, по существу, диктаторскую власть над Маньчжурией. Этот обширный регион (площадью 1.06 млн. кв. км – больше Франции и Германии, вместе взятых), был богат полезными ископаемыми, лесом и занимал важное геостратегическое положение. Однако он был еще слабо заселен и освоен: в 1930 г. здесь проживало всего 32 млн. чел. (из более чем 450 млн. жителей Китая) и обрабатывалась лишь половина пригодной для земледелия земли. Причиной такого положения дел был действовавший в период правления династии Цин запрет на переселение в Маньчжурию этнических китайцев. И хотя в 1878 г. этот закон был отменен, колонизация Маньчжурии проходила медленно. "Молодой маршал" стремился всячески стимулировать развитие переселенческого движения. Благодаря введенным его указом налоговым и иным льготам миграционные процессы получили мощный импульс: в 1927–1930 гг. здесь осело более 2.2 млн. китайцев¹³.

Социально-экономическая ситуация в регионе была более благополучной, чем в других провинциях. По развитию промышленности он в конце 20-х годов стоял на втором месте, уступая только Шанхайскому району. В маньчжурском внешнеторговом обороте первое место занимала Япония – на нее приходились 45% экспорта и 40% импорта. В регионе существовала развитая инфраструктура, однако большая ее часть принадлежала зарубежным собственникам. Так, три четверти из 6.5 тыс. км маньчжурских железных дорог были построены иностранцами и находились либо под их полным контролем, как, например, принадлежавшая японцам Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД), либо как Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) под советско-китайским управлением. Неудивительно, что своей главной внешнеполитической задачей Чжан Сюэлян считал ослабление зависимости Маньчжурии от соседних великих держав – Японии и Советского Союза.

За "Молодым маршалом" закрепилась репутация энергичного, современно мыслящего руководителя и в то же время – веселого плейбоя, любящего светскую жизнь и развлечения. С юных лет он не упускал случая пообщаться с приезжими европейцами и американцами и даже выбрал себе второе, европеизированное имя – Питер Ч.Л. Чан. В Мукдэне он жил со своей первой супругой Чжао Сы в "резиденции главнокомандующего" – огромной роскошной усадьбе, состоявшей из нескольких зданий и сада (в 2003 г. там открыт музей). Чжан Сюэлян был очень богат: доставшееся ему от отца состояние оценивалось в 80 млн. юаней, часть из которых (примерно 13 млн. юаней) была вложена

¹² Подробнее см.: *Славинский Д.Б.* Указ. соч., с. 158.

¹³ *Глушаков П.И.* Маньчжурия. Экономико-географическое описание. М., 1948, с. 60.

в коммерческие предприятия, а часть – хранилась в Мукдэнских банках и за границей (и это при том, что средняя годовая зарплата рядового китайца не превышала 50 юаней)¹⁴.

Как администратор Чжан Сюэлян оставил о себе в Маньчжурии добрую память. За три года своего правления он сократил разбухшую 400-тысячную провинциальную армию до 150 тыс. человек.; остальные солдаты были направлены на освоение целинных земель. Китайские авторы особо отмечают заслуги "Молодого маршала" в развитии системы просвещения. Еще в 1923 г. он основал Северо-Восточный университет, а в 1928 г. стал его ректором. В развитие этого вуза он вложил 1 млн. юаней собственных денег. Общие расходы на образование в Маньчжурии при нем выросли более чем в три раза, в том числе и за счет его личных средств.

Первые же недели правления "Молодого маршала" ознаменовались его острым конфликтом с Токио, наглядно показавшим, что он является вполне самостоятельной политической фигурой. На состоявшейся после похорон отца беседе с японским консулом Чжан Сюэлян отверг требования последнего отказаться от сотрудничества с правительством Чан Кайши. На заявление дипломата о том, что Япония готова "принять самые решительные меры к тому, чтобы над Маньчжурией никогда не развевался флаг Гоминьдана", он ответил: "Вы забыли одну мелочь: я – китаец". На этом аудиенция была закончена. 1 июля 1928 г. Чжан Сюэлян направил Чан Кайши телеграмму с предложением начать переговоры о признании Нанкинского правительства¹⁵. В ответ Танака пригрозил: если "Молодой маршал" не изменит своей позиции, то Япония "будет вынуждена использовать любые средства для защиты своих прав в Маньчжурии"¹⁶. Квантунская армия начала большие учения. В то же время от имени Танаки до сведения Чжан Сюэляна было доведено: если он нуждается в деньгах, то ЮМЖД могла бы выделить ему солидную сумму¹⁷. Однако тактика "кнута и пряника" не сработала. 29 декабря 1928 г. в Мукдэне был поднят гоминьдановский флаг, и Маньчжурия официально присоединилась к остальному Китаю. При этом ее власти добились от Нанкина главного: признания своей полной самостоятельности во внутренних делах и широких полномочий в области внешней политики¹⁸.

Стремясь упрочить свое положение, Чжан Сюэлян провел чистку старых кадров, доставшихся в наследство от отца. Лидера прояпонской группировки генерала Ян Юйтина и его заместителя он пригласил к себе на ужин и игру в кости. В разгар трапезы хозяин вышел, сославшись на недомогание, после чего его телохранители хладнокровно изрешили обоих мужчин. После этой показательной расправы, выдержанной в духе классического гангстерского триллера, явных соперников во властных структурах Маньчжурии у "Молодого маршала" не осталось.

В отношении Японии Чжан Сюэлян проводил весьма независимую, если не сказать враждебную политику. Он все настойчивее ставил под сомнение ее право размещать войска вдоль ЮМЖД и управлять арендованными территориями на Ляодунском полуострове¹⁹. Три Восточные провинции активно включились в объявленную Гоминьданом кампанию бойкота японских товаров. Сославшись на договор девяти держав 1922 г., официальный Мукдэн отказался признавать наличие у Японии "особых интересов" в Маньчжурии²⁰. По оценке Г.С. Каретиной, "в антияпонской кампании Чжан Сюэ-

¹⁴ Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая, с. 122; История Северо-Восточного Китая XVIII–XX вв., в 2-х кн., кн. 2. Владивосток, 1989, с. 40.

¹⁵ В 1927–1937 гг. Нанкин являлся столицей Китайской Республики.

¹⁶ Молодяков В.Э. Указ. соч., с. 41.

¹⁷ Славинский Д.Б. Указ. соч., с. 159.

¹⁸ Так, например, несмотря на то, что еще в 1927 г. на территории Китая, контролируемой Гоминьданом, были закрыты все советские дипломатические представительства, в Маньчжурии продолжали работать 8 консульств СССР.

¹⁹ См.: Каткова З.Д. Китай и державы. 1927–1937. М., 1995, с. 45–47.

²⁰ Новейшая история Китая 1928–1949 гг. М., 1984, с. 7–8.

лян намного превзошел своего отца"²¹. Видный японский дипломат Сигэнори Того, посетивший в 1929 г. Северо-Восточный Китай, писал: "Японцы, за исключением старожилов, говорили о невозможности ладить с режимом Чжан Сюэляна, который проявлял по отношению к ним все более сильное высокомерие ... После убийства Чжан Цзолина Чжан Сюэлян ... отказывался сотрудничать с японцами и энергично стремился вернуть предоставленные ранее концессии, в связи с чем японцы стали испытывать большие трудности в своей экономической деятельности"²². "Чжан Сюэлян, – резюмировал С. Того, – не желает иметь дело с нашим Генеральным консульством в Мукдэне и крайне возмущен в связи со смертью своего отца ... Конфронтация между японцами и китайцами достигла опасной черты"²³.

Отставка Танаки в июне 1929 г. и приход к власти более умеренного правительства были восприняты в Мукдэне с удовлетворением. Курс на жесткое отстаивание своих интересов, казалось, давал результаты. В июле 1929 г. Япония официально признала гоминьдановский Китай, после чего "Молодой маршал" сделал поспешный вывод: в обозримом будущем японской военной угрозы его режиму не существует. Эта уверенность во многом и подтолкнула его к силовым действиям против другого могущественного соседа – Советского Союза.

ЧЖАН СЮЭЛЯН И КОНФЛИКТ НА КВЖД

Власти Мукдэна имели определенные основания для недовольства советской политикой в Маньчжурии. Китайско-Восточная железная дорога, которая, согласно соглашению 1924 г., считалась "сугубо коммерческим" предприятием и должна была управляться на паритетных началах, к концу 20-х годов оказалась фактически под полным контролем Москвы. Советские граждане составляли уже не половину, а более трех четвертей сотрудников КВЖД, что, впрочем, во многом объяснялось катастрофической нехваткой квалифицированных китайских кадров. В "полосе отчуждения" дороги велась агитационная работа, находили убежище китайские коммунисты. По образному выражению Н.И. Бухарина, КВЖД была призвана стать для СССР "главной стратегической жилой, нашим революционным пальцем, запущенным в Китай"²⁴.

Чжан Сюэлян взял курс на планомерное вытеснение Советского Союза из Маньчжурии. 3 июля 1929 г. на его встрече с Чан Кайши было решено захватить КВЖД силой. Лидер Гоминьдана рассматривал экспроприацию железной дороги как одно из звеньев проводимой им политики пересмотра неравноправных договоров с иностранными государствами, к числу которых он относил и советско-китайское соглашение 1924 г.

10 июля 1929 г. маньчжурские власти взяли под контроль КВЖД, отстранили от работы советских сотрудников (при этом более 200 человек было арестовано и 60 депортировано) и заменили их на российских белоэмигрантов. Большинство советских учреждений в Харбине было закрыто. На заседании ЦИК Гоминьдана Чан Кайши выступил с программной речью, направленной против СССР. "Интересы Гоминьдана сталкиваются с интересами Третьего Интернационала, – заявил он, – Красный империализм является более опасным, чем белый, так как его труднее распознать"²⁵.

Первопричиной предпринятой силовой акции стало общее для Чан Кайши и Чжан Сюэляна заблуждение относительно мнимой неготовности Москвы прибегнуть к силе для отстаивания своих интересов. Оба политика полагали, что в конфликте с Китаем СССР, не получив поддержки других великих держав и оказавшись в изоляции, не риск-

²¹ Каретина Г.С. Чжан Цзолин и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в., с. 143.

²² Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996, с. 135.

²³ Там же.

²⁴ Григорьев А.М. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.). – Проблемы Дальнего Востока, 1993, № 2, с. 112.

²⁵ Системная история международных отношений. 1918–2000, в 4-х т. Т. 2. Документы 1910–1940-х гг. М., 2003, с. 82.

нет братья за оружие. Согласно их расчетам, советская сторона, годом ранее подписавшая пацифистский пакт Бриана – Келлога, будет вынуждена, чтобы "сохранить лицо", играть исключительно на дипломатическом поле. В случае успеха захват КВЖД мог бы существенно укрепить авторитет "Молодого маршала", в чем он, еще неопытный политик, безусловно, нуждался, продемонстрировать всему миру "антиколониалистскую" и антисоветскую направленность его внешнеполитического курса, а также военную крепость и политическую стабильность возглавляемого им режима. Чан Кайши тоже рассматривал эту акцию как прецедент, который впоследствии мог быть использован для воздействия на другие державы. Однако китайские лидеры просчитались: в Кремле все же решились на силовой вариант.

Советская сторона проявила выдержку и поначалу ограничилась дипломатическим демаршем. 17 июля 1929 г. в Москве было объявлено об отзыве из Китая всех официальных советских представителей и работников администрации КВЖД, а также о прекращении с ним железнодорожного сообщения. 13 августа 1929 г. была создана Особая Дальневосточная армия (ОДВА) во главе с В.К. Блюхером, которая начала подготовку военной операции.

Главным сторонником применения силы в советском руководстве был сам Сталин. Находясь на отдыхе в Сочи, он внимательно следил за развитием ситуации, видя в ней, как и китайские лидеры, важный прецедент на будущее. «Дело не только и даже не столько в том, чтобы ликвидировать так или иначе конфликт, – писал он В.М. Молотову 29 августа 1929 г. – Дело также в том, чтобы своей твердой позицией разоблачить до конца и подорвать авторитет правительства Чан Кайши как правительства лакеев империализма, желающих стать образцом "национальных правительств" колониальных и зависимых стран»²⁶. Развитие международной обстановки способствовало успеху готовившейся операции. 3 октября 1929 г. после двухлетнего перерыва были восстановлены советско-английские дипломатические отношения, а 25 октября 1929 г. произошел крах Нью-Йоркской фондовой биржи, положивший начало мировому экономическому кризису. В контексте этих событий в Москве рассчитывали на то, что Великобритания и США, на чью политическую поддержку особенно надеялся Чан Кайши, не станут вмешиваться в конфликт.

В октябре 1929 г. северный милитарист генерал Фэн Юйсян, имевший тесные связи с СССР, начал военные действия против армии Гоминьдана. Разгоревшаяся междоусобица связывала руки Чан Кайши и ограничивала его возможности оказания помощи Чжан Сюэляну. Последний, почувствовав, что дело может обернуться настоящей войной, стал подумывать о компромиссе, хотя Чан Кайши запретил ему идти на уступки. Пока два лидера спорили, Сталин поставил в Политбюро ЦК ВКП(б) вопрос о свержении "Молодого маршала". "Пора нам перейти на точку зрения организации повстанческого революционного движения в Маньчжурии, – писал он Молотову. – ... Нам нужно организовать двухполковые бригады главным образом из китайцев, снабдить их всем необходимым (артиллерия, пулеметы и т.п.), поставить во главе бригад китайцев и пустить их в Маньчжурию ... занять Харбин и, набравшись сил, объявить Чжан Сюэляна низложенным, установить революционную власть (погромить помещиков, привлечь крестьян, создать советы в городах и деревнях и т.п.). Это необходимо. Это мы можем и, по-моему, должны сделать»²⁷.

17 ноября 1929 г. Особая Дальневосточная армия перешла границу и разбила противостоявшие ей китайские части, взяв в плен несколько тысяч солдат. Не получив от центрального правительства обещанной военной помощи, Чжан Сюэлян уже 19 ноября, на второй день боев, довел до сведения Москвы, что согласен вернуться к прежнему статус-кво. Возможно, сам того не подозревая, "Молодой маршал" сумел упредить ката-

²⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. М., 1995, с. 164.

²⁷ Там же, с. 167–168.

строфичный для себя сценарий развития событий: промедли он несколько дней – и в Кремле вполне могло быть принято решение в пользу "похода на Харбин".

В декабре 1929 г. в Никольск-Уссурийске, а затем в Хабаровске были подписаны советско-маньчжурские протоколы, предусматривавшие восстановление совместного управления КВЖД, освобождение всех арестованных и высылку участвовавших в боях белоэмигрантов. Чан Кайши остался недоволен уступчивостью "Молодого маршала", якобы "превысившего свои полномочия", и не признал мирные протоколы. По существу, однако, никакой иной альтернативы – ни дипломатической, ни тем более военной – у лидера Гоминьдана не было. 26 ноября 1929 г. Китай, сославшись на пакт Бриана – Келлога, поднял в Лиге Наций вопрос о признании СССР агрессором, но его не поддержал ни один из постоянных членов Совета Лиги Наций, и вопрос был снят с голосования.

Поражение в противостоянии с Советским Союзом не сломало карьеры "Молодого маршала". Его авторитет в стране продолжал расти. Несмотря на то, что Чан Кайши фактически бросил его в схватке с СССР на произвол судьбы, Чжан Сюэлян демонстрировал в отношении него подчеркнутую лояльность. Когда в сентябре 1930 г. Фэн Юйсян вместе с губернатором провинции Шаньси Янь Сишанем подняли мятеж и образовали в Пекине собственное правительство, Чжан Сюэлян заявил о своей полной поддержке Гоминьдана и ввел войска в Пекин и Тяньцзинь. Мятеж был подавлен, самозванное правительство разбежалось. За верность "Молодой маршал" был вознагражден назначением на должности председателя Северо-Восточного Политического Совета и заместителя Главнокомандующего вооруженными силами страны. В 1930 г. он перенес свою резиденцию в Пекин, где отныне проводил большую часть времени.

Чжан Сюэлян неплохо усвоил преподанный ему урок "реалполитик" и теперь старался избегать любых поводов для конфронтации с Москвой. Силу он уважал. Его изменившееся отношение к северному соседу позволило заместителю наркома по иностранным делам Л.М. Карахану заключить, что после конфликта на КВЖД мукдэнское правительство стало "единственной силой в Китае, прочно заинтересованной в установлении и сохранении добрососедских отношений с СССР"²⁸. Подводя итоги 1930 г., советское полпредство в Токио отмечало, что Чжан Сюэлян фактически отказался от самостоятельной внешней политики, а "неоднократные попытки отделить Чжана от Нанкина не увенчались успехом"²⁹.

Отношения маньчжурского правителя с Токио, напротив, продолжали ухудшаться. Во время конфликта на КВЖД Япония заняла, по существу, враждебную ему позицию: объявив о "строгом нейтралитете", она предложила искать урегулирование "на двусторонней основе", тогда как Китай добивался международного осуждения СССР, а администрация ЮМЖД отказалась перевозить войска Чжан Сюэляна на север, к советской границе. В августе 1931 г. в связи с убийством японского "геологоразведчика" (в действительности – просто разведчика) капитана Накамура и его спутника командование Квантунской армии предъявило мукдэнским властям ультиматум с требованием "обеспечить безопасность японских подданных", который "Молодой маршал" проигнорировал.

ИЗГНАНИЕ ИЗ МАНЬЧЖУРИИ

18 сентября 1931 г. вблизи селения Лутяогоу неизвестными было взорвано полотно ЮМЖД. В ночь на 19 сентября Квантунская армия вторглась в Маньчжурию и уже на следующий день оккупировала ее столицу Мукдэн. Японские солдаты захватывали правительственные здания, банки, узлы коммуникаций; со стен чиновничьих кабинетов солдаты срывали портреты "Молодого маршала". Чжан Сюэлян находился на представлении в одном из пекинских театров, когда ему принесли телеграмму о начале интервенции. Он немедленно связался с Чан Кайши, который велел ему "избегать расширения

²⁸ Аблова Н.Е. Указ. соч., с. 216.

²⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 06, оп. 14, п. 133, д. 186, л. 51–52.

инцидента, решительно не допускать сопротивления". Под ружьем у правителя Маньчжурии находилась более 160-тысячная армия (по сравнению с противником, увы, плохо обученная и вооруженная), в то время как в войсках вторжения насчитывалось всего 10 400 солдат и офицеров. Однако Чжан Сюэлян не рискнул воевать с японцами без военной помощи центрального правительства и начал отвод своих войск из Трех Восточных провинций³⁰. Он предпочел подчиниться приказу Чан Кайши, который, в свою очередь, сделал ставку на дипломатические методы, обратившись за помощью в Лигу Наций. Зная, что Квантунская армия действует по собственной инициативе, китайский руководитель надеялся, что правительство в Токио все-таки возьмет ее под контроль. Кроме того, он полагал, что гоминьдановский режим слишком слаб, чтобы воевать с Японией, и сможет противостоять ей только после того, как разгромит компартию. Чжан Сюэлян было рекомендовано набраться терпения и ждать, когда японцы сами уйдут из Маньчжурии.

В ожидании благоприятного развития международной обстановки "Молодой маршал" перенес свою ставку в южноманьчжурский город Цзиньчжоу, куда стали отходить и верные ему части. 8 октября 1931 г. японская авиация совершила налет на Цзиньчжоу, ставший первым в истории случаем массированной воздушной бомбардировки мирного города. Он стал демонстрацией силы и предупреждением Чжан Сюэлян: не совать нос в дела бывшей вотчины. В его мукдэнском дворце обосновалось японское командование. Предметы домашнего обихода – одежда, посуда, мебель – были отправлены "Молодому маршалу" багажом в нескольких вагонах. Однако главная часть его богатства – вклады в маньчжурских банках – возвращена не была.

Легкие военные успехи вызвали в Японии всплеск национализма. В декабре 1931 г. к власти пришел новый кабинет, где тон задавали милитаристы. Узнав об этом, Чан Кайши подал прошение об отставке. Чжан Сюэлян тут же последовал его примеру. Впрочем, эти отставки не были приняты: просто оба руководителя таким образом "обновили" мандат на власть в условиях унижительного военного поражения.

Квантунская армия планомерно захватывала все новые и новые районы Маньчжурии. 3 января 1932 г. Чжан Сюэлян покинул Цзиньчжоу, который вскоре был занят японскими войсками. Вся его армия была отведена за Великую китайскую стену. В марте 1932 г. японцами было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с Пу И – последним представителем династии Цин.

Обстановка в Маньчжурии оставалась очень неспокойной. На ее территории развернулось массовое партизанское движение: общая численность повстанческих отрядов в 1932 г. достигала 100 тыс. чел. "Молодой маршал" оказывал партизанским командирам поддержку, в основном финансовую: только генерал Ма Чжаньшань, возглавлявший одно из наиболее крупных формирований, получил от него 2 млн. долл.³¹ Но напрямую втягиваться в бои с японцами Чжан Сюэлян по-прежнему не желал.

Стремясь подчеркнуть доверие бывшему маньчжурскому правителю, Чан Кайши в 1932 г. ввел его в состав ЦИК Гоминьдана и назначил Уполномоченным центрального правительства по военным делам в Пекине. Однако важнейшей опорой и главным политическим капиталом "Молодого маршала", который он берег как зеницу ока, оставалась эвакуированная им из Маньчжурии практически без потерь Северо-Восточная армия. Он отлично понимал: в условиях Китая лучше потерять территорию, чем солдат. К январю 1933 г., по данным советского генконсульства в Мукдэне, "Чжан Сюэлян ... имел в наличии 180 000 штыков и мог быстро довести свою армию до 250 000 чел."³².

³⁰ Спустя 60 лет, в беседе с британским историком Дж. Холлидеем он вновь пояснил свое решение: сопротивление было бесполезным. «У нас не было ни единого шанса победить, – говорил он. – Мы могли бы только вести беспорядочную партизанскую войну ... По качеству китайскую армию и сравнивать нельзя было с японской ... Японская армия была действительно блестящей. "Непротивление" оставалось для нас единственной реальной стратегией». – *Чжан Юн, Холлидей Дж. Указ. соч.*, с. 113.

³¹ *Славинский Д.Б. Указ. соч.*, с. 206.

³² АВП РФ, ф. 08, оп. 16, п. 155, д. 43, л. 2.

И после изгнания из Маньчжурии он оставался одной из ключевых военно-политических фигур Китая.

В марте 1933 г. Япония молниеносным ударом захватила провинцию Жэхэ, расположенную к югу от Великой китайской стены, и присоединила ее к Маньчжоу-Го. Чжан Сюэлян безуспешно попытался ей помешать. Губернатором Жэхэ был в то время Та Юйлинь, бывший хунхуз, известный своим криминальным поведением (в его губернаторском дворце, к примеру, располагался заводик по производству наркотиков). Прогнорировав приказ Чжан Сюэляна, он не только не оказал сопротивления интервентам, но бросился вывозить из провинциальной столицы Чэндэ тонны личного имущества, оставив защитников города без всякого транспорта. В ярости "Молодой маршал" приказал арестовать губернатора, но тому удалось убежать под защитой отряда из 200 телохранителей. Подчиненные Чжан Сюэляну войска, дислоцированные в провинции, были рассеяны японской артиллерией и авиацией. Нанкинское правительство и на этот раз не дало ему ни денег, ни оружия, ограничившись отправкой бригады необученных добровольцев.

Чан Кайши решил сделать "Молодого маршала" козлом отпущения за позорную сдачу Жэхэ. 8 марта 1933 г. он принял его отставку. Накануне Чжан Сюэлян обратился к солдатам с воззванием: "Мы пришли в центральные районы страны в надежде помочь объединению нации. Закончилось же все тем, что маньчжуры превратились в бездомных. Призываю вас беспрекословно выполнять приказы главнокомандующего. Если армия будет помнить о своем долге перед народом, то Маньчжурию еще можно будет вернуть"³³. Его армия отступила в северо-западные провинции.

По оценке Наркоминдела, отвод армии Чжан Сюэляна означал "ликвидацию в Северном Китае той основной военно-политической группы, которая не оставляла мысли от продолжения, при известных условиях, борьбы за Маньчжурию"³⁴. Это была бесспорная победа японцев; "захватив Жэхэ, они решили две задачи: создали непосредственную угрозу Пекину и вынудили Чжана уйти на отдых"³⁵. В день отставки "Молодой маршал" собрал пресс-конференцию, на которой объявил западным журналистам, что намерен оставить политику и уехать в Европу с тем, чтобы в конце концов обосноваться во Франции. Накануне отъезда он и обе его супруги прошли в Шанхае курс лечения от наркомании под наблюдением специально приглашенного из США специалиста. Искусный медик накачал пациентов снотворным, после чего сделал им сильнодействующие инъекции. Несколько суток все трое лежали без сознания. "Если маршал умрет, – предупредил врача адъютант, – ты не надолго его переживешь". К счастью, пациенты выжили. Чжан Сюэлян навсегда избавился от пагубной зависимости – и даже смог дожить до 100 лет!

В конце марта 1933 г. "Молодой маршал" поднялся на борт океанского лайнера, следовавшего в Европу. Кампанию в долгом путешествии ему составили дочь Б. Муссолини и ее супруг, граф А. Чiano, покидавший пост итальянского посла в Китае. По прибытии в Рим он встретился с дуче и совершил путешествие по Италии. Затем он направился в Англию, где учились его сыновья. В Лондоне Чжан Сюэляна принял премьер-министр Р. Макдональд, а лето путешественник провел в английском Брайтоне, в роскошной вилле на побережье.

"Молодой маршал" умел располагать к себе людей. Р. Леонард, одно время бывший его пилотом, оставил описание этого веселого, жизнерадостного человека: "Моим первым впечатлением было, что передо мной президент клуба "Ротари": полный, преуспевающий, с легкой, дружелюбной манерой общения. Уже через пять минут мы стали друзьями"³⁶. На отдыхе он вел образ жизни истинного денди: охотно танцевал, играл в гольф, увлекался рулеткой, ночи напролет просиживал с гостями за карточным столом.

³³ Фенби Дж. Указ. соч., с. 333.

³⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 18, п. 186, д. 1103, л. 31.

³⁵ Там же, оп. 17, п. 172, д. 5, л. 37.

³⁶ Leonard R. I Flew for China. Chiang Kai-shek's Personal Pilot. – Garden City, 1942, p. 21.

Чжан Сюэлян рассчитывал побывать и в Советском Союзе, но ему было отказано. Коллегия НКВД "на основании решения директивных инстанций" (вопрос докладывался лично Сталину) признала его проезд в Москву нежелательным³⁷. Заместитель нарком по иностранным делам Б.С. Стомоняков в письме полпреду в Нанкине Д.В. Богомолову охарактеризовал его как "одиозную фигуру"³⁸.

Затянувшееся отсутствие "Молодого маршала" нарушало хрупкое равновесие сил в китайской правящей верхушке. В декабре 1933 г. Чан Кайши предложил ему срочно вернуться на родину. Из европейского турне Чжан Сюэлян приехал сторонником Муссолини и Гитлера, которые, по его мнению, "сумели предложить национальную идею, сплотить и воодушевить свои народы" (впоследствии он отрекся от симпатий к фашизму). В то же время "Молодой маршал" убедился, что правительству Гоминьдана не приходится рассчитывать на помощь западных держав в борьбе с Японией. На первой же встрече с Чан Кайши он с горечью заметил: "Ни до Вас, ни до Китая миру нет никакого дела".

Генералиссимус и сам это отлично понимал. Тем яростнее он стремился покончить с коммунистами, постоянно наносившими удары по его войскам. На "Молодого маршала" у Чан Кайши были свои виды: его войска он решил превратить в главную ударную силу в борьбе с вооруженными формированиями КПК. В 1934 г. он восстановил Чжан Сюэляна в должности командующего Северо-Восточной армией и направил его воевать против Хунань – Хубэй – Аньхуэйского советского района, а в 1935 г. – против Шэньсийского советского района. Сюда, в Шэньси, в октябре 1935 г. в результате легендарного Великого похода отошли основные силы компартии во главе с Мао Цзэдуном.

"СИАНЬСКИЙ ИНЦИДЕНТ"

"Молодой маршал" принял новое назначение без энтузиазма. Его отношение к коммунистам, в прошлом бескомпромиссно негативное, давно уже стало весьма неоднозначным. Пребывание в Сиани – провинциальной столице Шэньси, расположенной в 300 км к югу от главной базы коммунистов – Особого района, дало новый импульс его идейной эволюции. Она отражала нарастание антияпонских настроений в китайском обществе и усиливающееся недовольство пассивной тактикой, избранной Чан Кайши. Подчиненные Чжан Сюэляну войска, по-прежнему сохранявшие надежду вернуться домой в Маньчжурию, воевали против Красной армии без всякого желания; в их рядах активно действовали агитаторы КПК. Чутко уловив перемену во взглядах маршала, руководители компартии в начале 1936 г. установили с ним тайные контакты за спиной Чан Кайши.

"Я не то чтобы попал под влияние коммунистов, – писал Чжан Сюэлян в мемуарных заметках 50 лет спустя. – Но ведь они тоже были китайцами. Зачем же нам было убивать друг друга"³⁹. Гоминьдановский режим, по его мнению, неминуемо должен был рухнуть, если бы и дальше продолжал "в борьбе с коммунистами отвоевывать пяди родной земли, отдавая внешнему агрессору провинцию за провинцией". Возможности достижения компромисса между Гоминьданом и КПК значительно расширились после состоявшегося летом 1935 г. VII конгресса Коминтерна. На нем был выдвинут лозунг "единого национального фронта" в борьбе против агрессии, созвучный взглядам Чжан Сюэляна. В его лице Коминтерн неожиданно приобрел в Китае весьма влиятельного союзника (или, по меньшей мере, "попутчика").

Покинув Маньчжурию, "Молодой маршал" лишился территориальной и финансовой базы, необходимой для содержания своей более чем 150-тысячной армии. Сохраниться в качестве влиятельной политической фигуры он мог только оставаясь на острие борь-

³⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 51, л. 43.

³⁸ Там же, оп. 18, п. 184, д. 1103, л. 17.

³⁹ *Фенби Дж.* Указ. соч., с. 417.

бы с Японией, однако, будучи не в состоянии действовать против нее самостоятельно, он, в конце концов, решил примкнуть к такой активной и влиятельной силе, как КПК.

В декабре 1935 г. компартия, следуя настоятельным советам Москвы, провозгласила курс на создание единого антияпонского фронта, что создавало предпосылки для соглашения между нею и "Молодым маршалом". Одновременно между штабом Красной армии в провинции Шэньси и командованием Северо-Восточной армии, подчиненной Чжан Сюэляну, начались переговоры, в результате которых стороны в январе 1936 г. достигли секретной устной договоренности о прекращении боевых действий и снятии экономической блокады Особого района. В апреле 1936 г. Чжан Сюэлян и делегация КПК во главе с Чжоу Энляем провели новые переговоры о более широком политическом соглашении. Их встречи проходили в обстановке строжайшей секретности в знаменитом здании францисканского католического собора, где в 1936–1945 гг. проводились пленумы ЦК КПК. Новое соглашение предусматривало "реорганизацию Красной армии в национальную армию при гарантии ее сохранения как целостной боевой силы"⁴⁰, совместный отпор Японии и тесное взаимодействие с СССР. Чжан Сюэлян дал согласие на развертывание в подчиненных ему частях политико-пропагандистской работы коммунистов, а к его штабу был прикомандирован представитель ЦК КПК.

"Молодой маршал" настолько сблизился с КПК, что даже подал заявление о вступлении в ее ряды. Руководители КПК не возражали, но перед тем как принять столь ответственное решение, запросили санкцию Коминтерна. Однако в Москве питали глубокое недоверие к Чжан Сюэляну, считая его политически неустойчивым и легкомысленным человеком. Генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров высказался категорически против его приема в КПК и был в этом вопросе поддержан Сталиным⁴¹. В директиве Исполкома Коминтерна указывалось на необходимость "охранять чистоту рядов" и рекомендовалось поддерживать контакт с Чжан Сюэляном только с целью ведения коммунистической агитации в его войсках. "Самого Чжан Сюэляна нельзя рассматривать как надежного союзника, – подчеркивал Димитров. – ... Вполне возможны новые колебания Чжан Сюэляна, либо даже прямое его предательство по отношению к нам"⁴². Одновременно Коминтерн потребовал от Мао Цзэдуна пересмотреть установку, согласно которой "война против японских захватчиков была неотделима от войны против Чан Кай-ши", перестать рассматривать руководителя Китая как врага и считать его своим политическим партнером. В результате ЦК КПК 25 августа 1936 г. опубликовал Открытое письмо Гоминьдану, в котором вновь заявлял о готовности создать единый фронт двух партий и покончить с гражданской войной.

"Молодой маршал" прекрасно сознавал, что для создания альянса с коммунистами ему потребуются согласие Москвы. В 1936 г. он несколько раз беседовал с полпредом СССР в Китае Д.В. Богомолковым, а также провел несколько тайных встреч с другими советскими представителями. 3 мая 1936 г. Богомолов доложил в Наркоминдел: Чжан Сюэлян фактически заключил перемирие с КПК и высказывается за решительное сопротивление Японии⁴³. Выслушивая эскапады "Молодого маршала" о его решимости объединить китайский народ в борьбе против агрессоров, советские эмиссары вместе с тем избегали каких-либо конкретных обещаний и тем более обязательств. Вместо этого Чжан Сюэляну было рекомендовано направить в СССР для консультаций своего личного представителя. Он согласился, и в июне 1936 г. его доверенный человек выехал из Шанхая во Францию в качестве сопровождающего двух сыновей Мао Цзэдуна, следовавших на учебу в Москву. Однако после нескольких месяцев ожидания в Париже он так и не получил советскую визу, а остаток пути до Москвы детей Мао сопровождал уже представитель КПК.

⁴⁰ Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 366.

⁴¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004, с. 736–739.

⁴² Там же, с. 739.

⁴³ АВП РФ, ф. 0100, оп. 20, п. 186, д. 51, л. 26.

Сведения о контактах "Молодого маршала" с коммунистами, в конце концов, дошли до Чан Кайши. Бывший маньчжурский правитель уже не вызывал у него прежнего доверия, и он стал задумываться над тем, как бы его нейтрализовать. 4 декабря 1936 г. руководитель Гоминьдана прибыл в Сиань, чтобы на месте разобраться в сложившейся обстановке. За неделю пребывания в столице Шэньси у него состоялось несколько жестких разговоров с Чжан Сюэляном и его единомышленником, губернатором провинции Ян Хучэном. Их требования о примирении с коммунистами Чан Кайши отверг, пригрозив обоим отставкой.

12 декабря 1936 г., в 5.30 утра, к резиденции руководителя Китая, расположенной на горячих источниках у горы Лишань в окрестностях Сиани, подъехали четыре грузовика с солдатами личной гвардии Чжан Сюэляна. Охранники генералиссимуса оказали ожесточенное сопротивление, и многие из них были застрелены, включая начальника службы безопасности. Когда начался бой, Чан Кайши делал традиционную утреннюю зарядку. Босиком, в спешке забыв на прикроватном столике зубные протезы, он с тремя телохранителями выскочил из здания через черный ход. Перелезая через высокую стену, окружавшую резиденцию, Чан Кайши серьезно повредил спину и растянул лодыжку. Несколько часов он прятался в расположенных в горе пещерах. Здесь его и нашли – усталого, замерзшего, в ночной пижаме. Руководитель Китая был помещен под арест. И хотя с пленником обращались почтительно, жизнь его висела на волоске.

Переговоры мятежников с Чан Кайши сразу же зашли в тупик. На выдвинутые ими восемь требований, главными из которых было создание единого фронта Гоминьдана и КПК и борьба с Японией, Чан Кайши ответил категорическим отказом. "Если в твоих жилах течет кровь мужчины – убей меня. Если нет – покайся в грехах и дай мне свободу", – заявил он "Молодому маршалу", после чего объявил голодовку. Страдая от полученных травм, он почти все время лежал, не имея сил сесть.

Чжан Сюэлян направил всем губернаторам телеграммы с разъяснением своей позиции. Присягая на верность идеологии Гоминьдана – "трем народным принципам" Сунь Ятсена, он призывал к окончанию гражданской войны, реорганизации правительства и проведению всеобщей амнистии. Однако предпринятая им дерзкая акция явно не находила поддержки китайской правящей элиты. Губернаторы всех провинций, кроме Гуаньси (и, разумеется, Шэньси), выступили на стороне Чан Кайши. Единственной силой, которая поначалу полностью его поддержала, стала КПК. За несколько недель до приезда Чан Кайши в Сиань "Молодой маршал" обсуждал с ее представителем, начальником штаба Красной армии Е. Цзяньином план возможного похищения, и тот от имени Мао Цзэдуна высказал ему полное одобрение. В штаб-квартире коммунистов известие об аресте Чан Кайши вызвало ликование. Сам Мао, по свидетельству очевидца, узнав о похищении, "хохотал как сумасшедший". Он предложил Чжан Сюэляну немедленно расправиться с пленником⁴⁴. Однако тот не спешил делать этот самоубийственный шаг, внимательно наблюдая за тем, как поведет себя Советский Союз.

Арест Чан Кайши стал для советского руководства полнейшей неожиданностью и поначалу вызвал разноречивую реакцию. В штаб-квартире Коминтерна царила приподнятая атмосфера. Помощник Димитрова Го Шаотан вспоминал: "Первая и вполне понятная реакция была такова: надо кончать с Чан Кайши. Не нашлось никого, кто высказался бы против ... Дэн Фа (член ЦК КПК. – А.С.) стучал кулаком и неистово кричал: "Ша!" ("Убить!")". В коридорах здания ИККИ я встретил Мануильского. Он потирал руки и, обняв меня, воскликнул: "Попался голубчик, а!"⁴⁵. Сам Димитров 13 декабря 1936 г. тоже оценил "восстание войска Чжан Сюэляна" и арест Чан Кайши весьма позитивно⁴⁶.

⁴⁴ Чжан Юн, Холлидей Дж. Указ. соч., с. 194–195.

⁴⁵ Крымов А.Г. (Го Шаотан). Историко-мемуарные записки китайского революционера. М., 1990, с. 289.

⁴⁶ Чернявский Г.И. Дневники Г.М. Димитрова. – Новая и новейшая история, 2001, № 5, с. 52.

Однако настроения в Кремле были совершенно иными. В ночь с 13 на 14 декабря 1936 г. Генеральному секретарю ИККИ позвонил Сталин. "С Вашей санкции происходят события в Китае?" – спросил он. Димитров мгновенно сориентировался и ответил: "Нет, это самая большая польза, которую можно оказать Японии". Сталин потребовал добиться от КПК мирного разрешения конфликта и ни в коем случае не допустить гибели Чан Кайши⁴⁷. 14 декабря "Правда" и "Известия" опубликовали передовую статью "События в Китае", в которой действия Чжан Сюэляна решительно осуждались как подрывающие "процесс консолидации всех сил, стремящихся к объединению Китая".

В тот же день Димитров направил Сталину объяснительную записку, в которой оправдывался и возлагал всю ответственность за кризис на руководство КПК. "Несмотря на наши предостережения, – писал он, – ЦК китайской партии вступил на деле в очень близкие, дружеские отношения с Чжан Сюэляном ... Трудно себе представить, что Чжан Сюэлян предпринял свою авантюристическую акцию без согласования с ними или даже без их участия"⁴⁸.

Наркоминдел тоже отмежевался от "Молодого маршала". 15 декабря 1936 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов встретился с китайским послом и заявил ему, что СССР "чрезвычайно озабочен создавшимся положением и считает выступление Чжан Сюэляна большим несчастьем", поскольку "всегда стоял за объединение Китая и никогда не сочувствовал внутренней борьбе китайских генералов". "Я не думаю, – раздраженно добавил нарком, явно намекая на КПК, – чтобы Чжан Сюэлян действовал непосредственно в контакте с японцами и склонен скорее допустить, что он поддался чьим-то злосчастным и дурным советам"⁴⁹. Он подчеркнул, что советская сторона не имела никаких контактов с Чжан Сюэляном с тех пор, как он покинул Маньчжурию. Это не соответствующее действительности утверждение лишь подлило масла в огонь. 17 декабря китайский посол возложил на Советский Союз прямую ответственность за действия "Молодого маршала". "Не подлежит сомнению, – заявил он Литвинову, – что последний связан с китайскими коммунистами, которые, в свою очередь, связаны с Москвой", и за мятежником "стоит иностранная сила, которой не может быть ни Япония, ни Англия"⁵⁰. Было очевидно, что гибель Чан Кайши чревата непредсказуемыми последствиями не только для Китая, который мог погрузиться в пучину новой гражданской войны и стать легкой добычей Японии, но и для советско-китайских отношений: ведь в глазах не только нанкинских властей, но и широких общественных кругов огромная доля ответственности за гибель Чан Кайши легла бы на Советский Союз. Поэтому Сталин решил предпринять меры для спасения генералиссимуса. 16 декабря 1936 г. по его прямому указанию Исполком Коминтерна направил в ЦК КПК грозную телеграмму. В ней осуждалось похищение Чан Кайши, так как оно "объективно может только повредить сплочению сил китайского народа в единый антияпонский фронт и поощрить японскую агрессию", а также высказывалось требование к китайской компартии обеспечить "мирное решение конфликта"⁵¹. В течение нескольких дней Мао скрывал инструкцию Коминтерна от коллег по Политбюро в надежде, что "Молодой маршал" расправится с пленником. И только после получения 20 декабря повторной телеграммы ИККИ, настаивавшей на "мирном решении", он вынужден был передать ее Чжоу Эньлао с указанием помочь "вернуть свободу Чан Кайши"⁵². Тем временем обстановка в Китае накалилась до предела. Нанкинское правительство ввело в стране чрезвычайное положение. Оно перебросило войска к границам Шэньси и начало бомбардировку позиций мятежных войск.

⁴⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы, с. 742.

⁴⁸ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 гг., в 2-х ч., ч. 2. М., 2003, с. 1084–1085.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 09, оп. 25, п. 97, д. 14, л. 84.

⁵⁰ Там же, л. 83.

⁵¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы, т. IV, ч. 2, с. 1085–1086.

⁵² Чжан Юн, *Холлидей Дж.* Указ. соч., с. 198.

"Молодой маршал" быстро понял, что проиграл – как только статья в "Правде" от 14 декабря, распространенная телеграфными агентствами по всему миру, попала к нему в руки. Он бурно негодовал, считая, что КПК его предала, введя в заблуждение относительно истинных намерений Москвы. Окончательно убедившись в том, что СССР не поддерживает его выступление, он постарался обеспечить единственное, что ему оставалось – выйти из кризиса с достоинством, "сохранив лицо". "Молодой маршал" пригласил для переговоров с Чан Кайши представителя КПК Чжоу Энляя, а также согласился на приезд в Сиань еще одного посредника – самого богатого человека Китая, председателя Центрального банка Сун Цзывэня (Т.В. Суна). Сюда спешно прибыли военные атташе Великобритании и США, которые от имени своих правительств потребовали обеспечить безопасность пленника. 21 декабря в Сиань прилетела супруга генералиссимуса Сун Мэйлин (в Китае ее называли "мадам Чан Кайши").

23 декабря 1936 г. под давлением "Молодого маршала" и посредников Чан Кайши согласился, наконец, впервые встретиться с представителем КПК. Его двухчасовая беседа с Чжоу Энляем завершилась важнейшей договоренностью: Чжоу заявил, что компартия готова поддержать Чан Кайши как лидера нации в борьбе с Японией, а тот, в свою очередь, обещал прекратить преследования коммунистов. Все участники переговоров согласились с тем, что Чан Кайши не станет подписывать каких-либо письменных обязательств, ограничившись устным заявлением. Генералиссимус получал свободу. При этом в отношении Чжан Сюэляна и Ян Хучэна он никаких гарантий не давал, а напротив, потребовал их беспрекословного подчинения во имя того, чтобы "обернуть национальное бедствие в национальное возрождение".

25 декабря 1936 г. Чан Кайши привезли на аэродром Сиани, где его уже ждали Сун Мэйлин и "Молодой маршал". Последний вызвался добровольно сдаться в плен и принять любую кару за свой поступок. В тот же день генералиссимус в сопровождении Чжан Сюэляна вернулся в Нанкин. Тысячи жителей столицы вышли на улицы, чтобы приветствовать руководителя Гоминьдана как национального героя. Были устроен праздничный фейерверк и народные гуляния.

Драматические события в Сиани стали поворотным пунктом в новейшей истории Китая и своего рода "моментом истины" для всех вовлеченных в них политических сил. Сианьский кризис показал, что, несмотря на все свои недостатки и просчеты, Чан Кайши являлся на тот момент незаменимым общенациональным лидером. В подтверждение этому он, выйдя из плена, трижды подавал в отставку, и трижды она была отвергнута. С другой стороны, Сиань явилась водоразделом в противостоянии Гоминьдана и КПК: официальный Нанкин согласился признать коммунистов как легитимную политическую партию, имеющую право на существование. Почему так произошло?

Думается, что устные обещания, данные в плену, не имели решающего значения для Чан Кайши: впоследствии он мог отречься от них, сославшись на то, что они были вырваны под давлением. Важнее оказалось другое: генералиссимус убедился, что на период японской агрессии Советский Союз действительно заинтересован в сохранении у власти в Китае правительства Гоминьдана как единственной силы, способной ей противостоять. Чан Кайши получил веские доказательства того, что в политике СССР на китайском направлении геостратегические расчеты превалируют над идеологическими установками, а Кремль отнюдь не стремится любой ценой привести к власти КПК, хотя, конечно, заинтересован в ее сохранении как влиятельного фактора китайской политической жизни. А раз так, с русскими можно и должно иметь дело. События в Сиани придали мощный импульс советско-китайскому сближению. Не в накладе остались и китайские коммунисты: натиск армии Гоминьдана на Особый район прекратился, и между ними и Нанкином установился худой мир, который во все времена лучше доброй ссоры. Единственной проигравшей стороной во всей этой истории оказался Чжан Сюэлян. За свою строптивость он поплатился политической карьерой и личной свободой.

По приезде в Нанкин "Молодой маршал" предстал перед судом, который признал его виновным в "нарушении субординации", лишил всех званий и наград и приговорил к десятилетнему тюремному заключению. Подчинявшаяся ему Северо-Восточная армия

была расформирована и разбросана по четырем провинциям. Чан Кайши смягчил наказание мятежнику, заменив тюремные нары на домашний арест. Генералиссимус не стал убивать Чжан Сюэяна, чтобы показать свое великодушие и ненароком не сделать из него мученика. Однако из большой политики "Молодой маршал" должен был уйти навсегда – а потому сроки домашнего ареста не были оговорены. На суде Чжан Сюэян держался бодро. "Из всей правящей верхушки только Чан чего-то стоит, – прокричал он членам трибунала. – Потери всех остальных никто в Китае и не заметит!", и тут же добавил: "Если меня освободят, я начну новую революцию"⁵³.

В качестве первого места ссылки Чан Кайши избрал своему похитителю неприметный домик у подножия горы Сюэдоу, расположенный неподалеку от деревни Сикоу, где родился он сам. Во всем Китае он не нашел ему для тюрьмы места более подходящего, чем по соседству с отчим кровом. С началом японо-китайской войны узник был вывезен в горные районы на юго-западе страны, подальше от зоны боевых действий. Вплоть до ее окончания тщательно охраняемого Чжан Сюэяна прятали по отдаленным деревням и пещерам; он ни в коем случае не должен был обрести свободу или же попасть в руки коммунистов. Газетам было запрещено публиковать о нем какие-либо сведения⁵⁴.

В августе 1945 г. СССР, вступив в войну с Японией, занял Маньчжурию – бывшую вотчину "Молодого маршала", которая вскоре стала важнейшим плацдармом коммунистов в разворачивавшейся новой гражданской войне. В этой ситуации руководство КПК вновь проявило интерес к опальному политику. 26 апреля 1946 г. Чжоу Энлай сообщил советскому послу в Нанкине А.А. Петрову, что после вывода советских войск из Маньчжурии и создания там Временного правительства компартия намерена потребовать освобождения Чжан Сюэяна. Он добавил, что недавно получил от пленника письмо, из которого явствует, что тот по-прежнему хорошо относится к КПК. Охарактеризовав его как "наиболее порядочного человека из старых маньчжурских аристократов и генералов", Чжоу высказал уверенность, что после выхода на свободу Чжан Сюэян займет дружественную позицию по отношению к СССР⁵⁵. Месяцем ранее в его поддержку в беседе с советским послом высказался глава Маньчжурской культурной ассоциации Чжоу Цзинвэнь. Он заявил, что маньчжурский народ вновь "с радостью доверил бы бразды правления своей страной" Чжан Сюэяну, поскольку тот "пользуется огромным авторитетом в Маньчжурии и ... настроен дружелюбно к Советскому Союзу"⁵⁶. Однако в Москве проявили равнодушие к судьбе "Молодого маршала". С ходатайствами о его освобождении к Чан Кайши во второй половине 40-х годов обращались и многие видные китайские политики⁵⁷. Чан Кайши неоднократно обещал им положительно разрешить вопрос, но в конце концов оставил эти просьбы без внимания.

В 1949 г., эвакуируясь на Тайвань, Чан Кайши прихватил с собой и Чжан Сюэяна. Другой мятежник, бывший губернатор Шэньси, Ян Хучэн был по его приказу расстрелян, после чего некоторые китайские газеты поспешили объявить о гибели самого "Молодого маршала". Но Чан Кайши все же решил сохранить ему жизнь.

Долгое время Чжан Сюэяна удерживали на далекой горной вилле к югу от Тайбэя; затем его перевели в новое жилище в окрестностях столицы. Потекли томительные и

⁵³ "Подельник" Чжан Сюэяна, бывший губернатор Шэньси, Ян Хучэн не захотел отдавать себя в руки Чан Кайши и спешно выехал в Европу. Однако в 1938 г. он легкомысленно решил вернуться в Китай (видимо, поддавшись на какие-то посулы), был схвачен, а в 1949 г. расстрелян.

⁵⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М., 2007, с. 559.

⁵⁵ Русско-китайские отношения в XX в. Документы и материалы. Т. V. Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950 г. Кн. 1. 1946–1948 гг. М., 2005, с. 107.

⁵⁶ Там же, с. 81.

⁵⁷ Об этом Чан Кайши просил, например, мэр тогдашней столицы страны Чунцина Ян Шэнь и губернатор Тайваня Чжень Чэн. – РГАСПИ, ф. 495, оп. 225, д. 2767, л. 8. В феврале 1949 г. некоторые китайские газеты ошибочно сообщили об освобождении Чжан Сюэяна. Их тираж был немедленно конфискован властями. – Там же, с. 9.

однообразные годы заключения. Пленник, как и полагается опальному государственно-му деятелю, содержался в комфортных условиях: просторные апартаменты, обильная еда, книги из библиотек, впоследствии – телевидение. Однако за пределы этой "золотой клетки" его выводили лишь изредка, и то под усиленной охраной. Доступ к нему имели, в основном, родственники: никаких посторонних, никакой прессы. Впрочем, в первые годы жизни на Тайване Чжан Сюэлян не очень-то возражал против такого режима: ведь на острове было немало иммигрантов с материка, искренне его ненавидящих, уверенных, что именно он несет большую долю ответственности за поражение Гоминьдана в гражданской войне. Поэтому, как ни парадоксально, домашний арест оказался надежным способом сохранить ему жизнь от возможных покушений.

5 апреля 1975 г. скончался Чан Кайши. Сун Мэйлин тайком привела "Молодого маршала" к усопшему лидеру Гоминьдана – еще до того, как гроб с телом выставили на церемонии официального прощания. С его смертью жизнь Чжан Сюэляна не изменилась: сын покойного, новый президент Тайваня Цзян Цзингюй крепко держал данное отцу слово не выпускать пленника. И лишь в 1991 г., спустя три года после смерти Цзян Цзингюя, "Молодой маршал" обрел, наконец, свободу: за давностью лет тайваньский суд отменил приговор военного трибунала. К этому времени Чжан Сюэляну исполнилось 90 лет! Он по праву может считаться политическим заключенным, отбывшим под арестом самый долгий срок в истории (почти 55 лет).

Последние 10 лет жизни Чжан Сюэлян провел в обществе супруги на Гавайских островах. Власти КНР неоднократно предлагали ему переехать на родину, гарантируя возвращение имущества, почет и уважение, однако он неизменно отвечал отказом, не желая вновь участвовать в политических играх и испытывать судьбу. "Молодой маршал" так никогда больше не ступил на землю континентального Китая, который покинул в далеком 1949 г., и не пожелал посетить родные места хотя бы на несколько дней. Новые власти Тайваня тоже предлагали ему остаться. Однако он провозгласил "нейтралитет" по отношению как к КПК, так и к Гоминьдану, и уехал в Гонолулу, где американские власти предоставили ему вид на жительство.

В последние годы жизни Чжан Сюэлян охотно давал интервью; китайские биографы на протяжении нескольких лет записывали его устные воспоминания. В них он нелестно отзывался о Чан Кайши, подчеркивая, что тот "на дух его не переносил – за ненависть прежде всего к японцам, а не к коммунистам". Архив Чжан Сюэляна в настоящее время находится в Колумбийском университете; недавно к нему открыт доступ исследователям.

23 октября 2001 г. на 101-м году жизни Чжан Сюэлян скончался от воспаления легких. За несколько дней до смерти его посетил Генеральный консул КНР в Лос-Анджелесе, чтобы от имени китайского правительства "выразить свои добрые намерения и пожелания скорейшего выздоровления". В день похорон "Молодого маршала" председатель КНР Цзян Цзэминь выразил соболезнования семье покойного, назвав его "национальным героем" и "великим патриотом Китая". Свои соболезнования направил родственникам и президент Тайваня.

До последних дней жизни Чжан Сюэлян сохранял ясность ума и удивительную бодрость духа. 55 лет плена не сломили его. Выстоять помогли природное жизнелюбие и помощь близких. Многие годы он потратил на изучение древней китайской истории, приобретая в результате репутацию выдающегося специалиста по династии Мин. А еще Чжан Сюэлян писал стихи – о красоте природы, о любви, о надежде на освобождение. Вот одно из самых известных его четверостиший: "Лениво нежится под солнцем моя тень. Путь еще далек, а серебряных нитей в волосах становится все больше. Но слезы уже не так горьки, и ветер доносит запахи весны".